

Б432

Белинский В.Г.

Полное собрание сочинений

Т.2

СПб; 1900

Б4

БИБЛИОТЕКА
"КАБИНЕТЪ ДЛѢ ЧТЕНІЯ
ЧЕРКЕСОВА

(О. Н. Поповой)

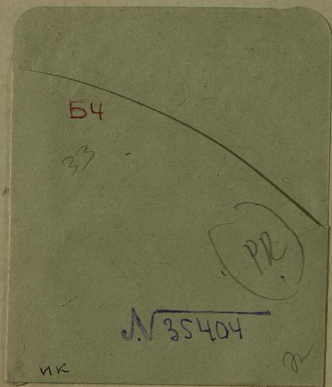
№

С.-Петербургъ, Невскій просп., 54

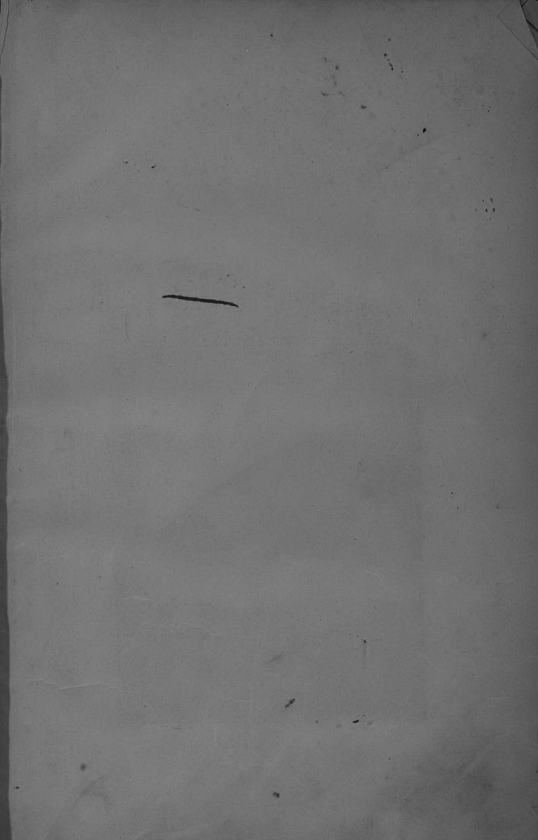
Издательство и книжный магазинъ О. Н. Поповой

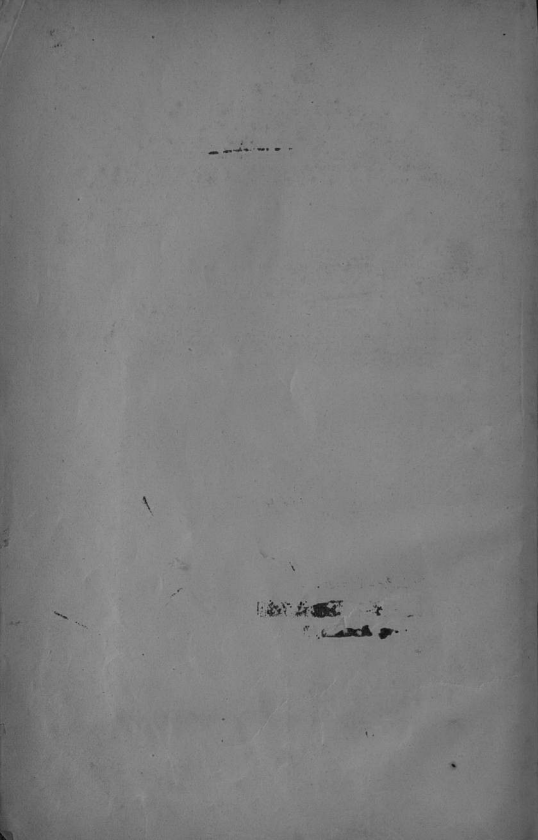

14/10 1905 гості

ф

16 АВГ 1903

3612

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

~~52360~~

СОЧИНЕНІЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО.

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

С. А. Венгерова.

ТОМЪ II.

Съ приложеніемъ акварельнаго портрета Бѣлинскаго въ возрастѣ 27—28 лѣтъ.

~~68619~~

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

Центральная библиотека

ул. Думская, 3

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, 28.

1900.

ф

какъ изъ стихотворенія, нельзя выкинуть ни одного слова, не лишивъ аромата, не ослабивъ внутреннего пламени, придающаго такое неотразимое обаяніе всему, что вышло изъ-подъ пера великаго искателя истины. Бѣлинскій всегда писалъ статьи въ своего рода экстазѣ и выражалъ въ нихъ все то, что его въ данный моментъ мучило и волновало, хотя бы оно непосредственно къ предмету статьи и не относилось. Это несомнѣнно приводило и къ длиннотамъ, и къ отступленіямъ, которые иному „систематизатору“ покажутся и лишними и педанскими къ „дѣлу“. Но именно эти-то „отступленія“, это-то порывъ выразить всю полноту внутренней работы высокаго духа и великаго сердца и составляютъ сущность литературнаго значенія Бѣлинскаго, и кастрировать ихъ значить выпимать изъ его статей живую душу. Вотъ почему при желаніи издавать *неполное* собраніе сочиненій Бѣлинскаго есть только одинъ способъ — давать избранныя статьи, но давать непременно цѣликомъ. Такому условію исполнѣ удовлетворяють нѣкоторые изъ появившихся въ 1898 году изданій и нельзя не пожелать имъ самаго полнаго успѣха. Еще большаго сочувствія заслуживаетъ мысль издавать отдѣльныя статьи Бѣлинскаго и по дешевой цѣнѣ пускать ихъ въ большую публику. Такимъ путемъ нѣсколько издателей сдѣлали общимъ достояніемъ знаменитый „восьмой томъ“ прежняго 12-томнаго изданія, т.-е. статьи о Пушкинѣ, превратившіяся у Бѣлинскаго въ цѣлый курсъ исторіи русской литературы. Эти общедоступныя изданія составляютъ несомнѣнный шагъ къ осуществленію заветной мечты Некрасова о томъ времени, когда мужикъ, вмѣсто „Блюхера“ и „Милорда Аглицкаго“,

Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ.

Въ общемъ, прекращеніе правъ литературной собственности на наследіе Бѣлинскаго несомнѣнно много содѣйствовало распространенію его сочиненій. Каждому дана возможность что-нибудь изъ нихъ приобрести для домашней бібліотеки.

Но рядомъ съ этимъ остается еще одна важная задача — надо дать изданіе удовлетворительное и *по полнотѣ*. Думали, что къ 25 мая 1898 г. подвигнется рядъ изданій, по меньшей мѣрѣ столь же полныхъ, какъ основное 12-томное собраніе сочиненій, изданное въ 1859—61 гг. К. Т. Солдатенковымъ. Но эти ожиданія совершенно не оправдались, и всѣ изданія 1898 г. и позднѣйшія не выдерживаютъ никакого сравненія съ изданіемъ К. Т. Солдатенкова.

А между тѣмъ и это изданіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо ни полнымъ, ни тщательно редактированнымъ. Въ немъ очень много пропущено, а помѣщенное часто урѣзано. Редакторъ изданія К. Т. Солдатенкова — покойный Н. Х. Кетчеръ — не только не бралъ всѣхъ статей Бѣлинскаго (онъ совсѣмъ не включилъ больше 400 небольшихъ отзывовъ), но и въ томъ, что бралъ, выбрасывалъ цѣлыя страницы и тирады. Въ особенности онъ былъ безжалостенъ къ цитатамъ, которыя ему, очевидно, казались лишнимъ балластомъ, хотя на самомъ дѣлѣ ничто такъ не содѣйствуетъ усвоенію мыслей критика, какъ удачно подобранныя выдержки. Не мало статей осталось ему и совершенно неизвѣстнымъ. Наконецъ, крупнѣйшимъ недочетомъ перваго собранія сочиненій Бѣлинскаго является то, что въ немъ совершенно пѣтъ одной изъ драгоценнѣйшихъ частей духовнаго наследія Бѣлинскаго — его писемъ. Не стѣсненный вышними соображеніями, Бѣлинскій въ письмахъ весь отдавался своему порыву и достигалъ силы изумительной. Въ письмахъ къ друзьямъ и въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю Бѣлинскій поднимался до вершинъ воодушевленія и негодующаго красноречія.

(Окончаніе см. на 3-ей страницѣ обложки).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

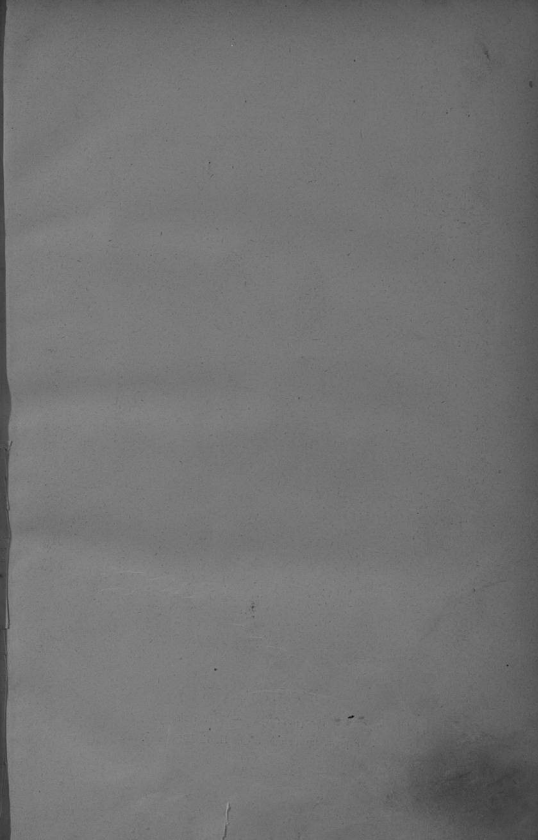

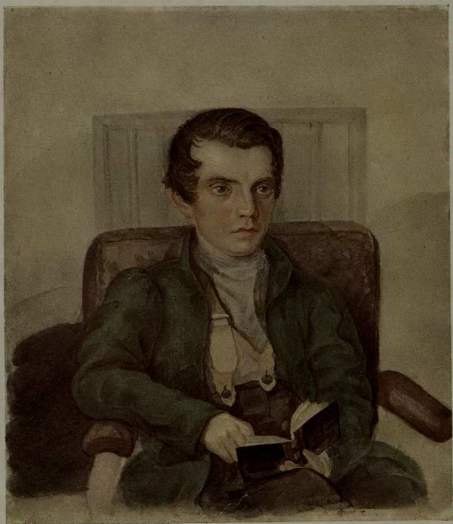
СОЧИНЕНИЙ

В. Г. БѢЛИНСКАГО.

— июл 1939

1948

БѢЛИНСКІЙ

въ возрастѣ 27—28 лѣтъ.

Акварель, принадлежащая П. Г. Моравеку.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

891.74/Бѣлинскій)

5432

СОЧИНЕНІЙ

52360

В. Г. БѢЛИНСКАГО.

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

С. А. Венгерова.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Общественная Центральная Библиотека
Площадь Лассалля, д. 3.

ТОМЪ II.

Съ приложеніемъ акварельнаго портрета Бѣлинскаго въ возрастѣ 27—28 лѣтъ.

68619

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, 28.

1900.

5432

Проведено 1936 г.

90

лиц 1934 г. Проведено

2000
2000

2962

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

* Звѣздочка поставлена передъ статьями и указаніями, не входившими въ прежнія собранія сочиненій Вѣдлинскаго или входившими съ сокращеніями.

„Молва“ и „Телескопъ“ 1834 г.

	СТР.
*38. Беата. (Переводъ)	1—25
*39. Отчего въ Римѣ не было трагедіи. Соч. Низара (переводъ) . . .	25
40. Ночь на Рождество Христово. К. Баранова	26—28
41. Грамматика русскаго языка. Соч. Калайдовича	28—42
*42. <i>Сильвестръ де Саси</i> . Основы грамматики для дѣтей. (Переводъ) .	42
43. Повѣсти <i>Безумнаго</i>	42—45
44. Регентство Вирона. Пов. Соч. К. Масальскаго. Графъ Оболенскій или Смоленскъ въ 1812 году. Соч. И. Коншина. Шигони . . .	45—48

„Молва“ и „Телескопъ“ 1835 г.

*45. Домовой или любовь стараго подъячаго. Соч. Александра П—а—ва.	48
*46. Веррексъ. Соч. м-сь Чарльсъ-Горъ. Пер. съ англ. П. Др....ъ . .	—
*47. Игнатиикъ. Соч. Боимуса. Пер. съ нѣм. В....ъ	49—52
48. <i>Поселыиикъ</i> . Соч. Н. Ш.	52—57
49. Въ тихомъ омутѣ черти водятся. <i>Федора Кони</i>	57—59
*50. Дворянскіе выборы, характеристическая картина въ четырехъ гла- вахъ. Соч. А.... Ч....	59
51. Повѣсти, изд. Александромъ Пушкинымъ.	59—61
52. Исторія о храбромъ рыцарѣ Франціи Венціанѣ и о прекрасной королеви Ренцивенѣ	61—63
53. Краткое изложеніе главныхъ доводовъ и свидѣтельствъ, неоспоримо утверждающихъ истину и божество происхожд. христіанскаго откровенія. Соч. Еп. Лонд. <i>Портьюса</i>	63
54. Новое не любо не слушай, а лгать не мѣшай, или любопытные отрывки изъ жизни Мини Минича Евстратенкова. N. I. 1835.	63—65
Дѣя гробовныя жертвы. Разсказъ <i>Касьяна Русскаго</i>	—
*55. Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ разсчета. <i>Федора Кони</i> . Мужъ въ каминѣ, а жена въ гостяхъ. <i>Елю жсе</i>	65
56. Баронъ Брамбеусъ. Пов. <i>Павла Павленки</i>	66—67
*57. Пантеонъ дружбы на 1834 годъ, собр. И. О—мъ.	67—68
*58. Подробныя свѣдѣнія о Волжскихъ камняхъ, собр. на мѣстѣ И. <i>Песфедеевымъ</i>	68—70

59. Конекъ-Горбунукъ. Соч. П. Ершова	70—71
60. Путевыя записки Вадима	72—73
61. Были и небылицы Казака Луанскаго. 1835.	73—74
*62. Сказаніе о побойщѣ вел. князя Димитрія Иоанновича Донскаго съ нечестивымъ царемъ Мамаемъ и съ безчисленными татари на Дону на рѣкѣ Непрядвѣ, на полѣ Куликовѣ, 1830 года 8 сент. Изд. Николай Головинъ	74
63. Абадонна. Соч. Николая Полеваго.	74—80
Мечты и жизнь. Ею же	—
64. Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, отъ Тарутинскаго до Кульмскаго боя.	80—81
65. Хмѣльницкіе или присоединеніе Малороссіи. Соч. П. Голомы	81—83
66. Царь-Дѣвица	83
*67. Повѣсти для дѣтей отъ пяти до десяти лѣтъ. Соч. г-жи Рениевилъ. Собраніе повѣстей. Соч. Беркеня, Кампе, Гизо и г-жи Зонтавъ.	83—84
*68. Страсть къ должностямъ. Соч. Скриба. Пер. съ франц. Василій Горскій	84
69. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, Константина Батюшкова.	84—88
70. Досуги Инвалида (В. А. Ушакова)	88—90
71. Ангарскіе пороги. Соч. Н. Щ.	90—91
*72. Клятвенное преступница	91
*73. Современныя повѣсти модныхъ (??!) писателей. Собр. (?), перев. и изд. Федоромъ Кони	91—92
*74. Достопамятный бракъ царя Иоанна Васильевича Грознаго. Николай Гомина	92—93
*75. Тетрадь Русской Грамматики для русскихъ, сост. по порученію начальства	93
*76. Арабески Н. Гоголя.	93—95
Миргородъ. Ею же	—
77. Таинственный монахъ или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I. Ист. романъ (Рафаила Зотова)	95—97
*78. Похожденія червонца и послѣдняя участь его въ Макарьевской ярмаркѣ	97
*79. Стихотворенія Евгенія Баратынскаго	—
80. Вѣдьма или страшныя ночи за Днѣпромъ. Соч. А. Чуровскаго.	98—99
Черный кощей или заднѣпровскій хуторъ у Луной горы. Соч. Ею же.	—
81. И мое мнѣніе объ игрѣ в. Каратычина	—
*82. Рахиль. Соч. Евгеніи Фаа, пер. съ франц. Т—и П.	99—109
*83. Пещера смерти въ дремучемъ лѣсу. Соч. г-жи Радклиффъ.	109—110
84. Учебная книга Всеобщей исторіи. Соч. проф. И. Кайданова.	110—115
*85. Исторія Пугачевского бунта (Пушкина)	115
86. Спены на морѣ. Соч. П. Давидова.	115—116
87. Корсунскія врата, находящ. въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Федора Аделунга. Съ нѣм. перев. Петръ Артемьевъ.	116—120
Царствованіе царя Федора Алексѣевича и исторія перваго стрѣleckаго бунта (В. Берха).	—
Русская Вивлююнка. Изд. Николаемъ Полевымъ	—
*88. Забавныя анекдоты Политяка Финдуро, придворнаго шута короля Сигизмунда	120

*89. Дитя поезія	120—124
Стихотворенія <i>Михайла Меркла</i>	—
90. Наталія. Соч. г-жи ***. Пер. съ фр. <i>Александръ Шубяковъ</i>	124—127
*Свѣтославичъ, вражій питомецъ. Соч. <i>А. Вельтмана</i>	127
*91. Два мужа. Перед. съ фр. <i>А. И. Булаковымъ</i>	127—128
Женихъ мертвецъ или думалъ солгать, а сказалъ правду	—
*92. Образецъ постоянной любви. <i>Скриба</i> . Передѣлка <i>А. П.</i>	128—129
93. О господинѣ Новгородѣ Великомъ. <i>А. В. (Вельтманъ)</i>	129—130
*94. Добрыя дѣвушки. Соч. г-жею <i>Алидо де Савильякъ</i>	130—131
95. Борисъ Годуновъ. <i>М. Лобанова</i>	131—132
96. Художникъ. <i>Т. м. ф. а (Тимофеева)</i>	132—135
*97. Краткая исторія города Казани. Соч. <i>М. Рыбушкина</i>	135—138
98. Исторія Донского войска, <i>Владимира Броневскаго</i>	138—140
99. Тетушкины сказки. Соч. д-ца <i>В. М. Руссо</i>	140—141
*100. Примѣчаніе къ „Олегу подъ Константинополемъ“. <i>К. Зеритидина</i>	141—142
101. Жертва. Соч. г-жи <i>Монборнъ</i> . Пер. съ фр. <i>З.</i>	142—149
*102. Ижорскій, Мистеріа	149—154
103. Сынъ жены моей. Соч. <i>Поль-де-Кока</i>	154—157
104. Четыре вымысла. Соч. <i>Николая Лутковскаго</i>	157—159
Эмилій Лихтенбергъ. Соч. <i>М. Лисицкой</i>	—
*105. Ледяной домъ. Соч. <i>И. И. Лажечникова</i>	159—160
*106. Малороссійскія повѣсти, разсказанныя <i>Грицкомъ Основыненкомъ</i>	160
Насмѣхъ украинскіи казки, запорожцы <i>Иска Матиренки</i>	—
*107. Метода всеобщаго обученія <i>Жакото</i>	160—161
Метода <i>Жакото</i> . Изд. <i>Егоръ Гупель</i>	—
Чтенія для умственнаго развитія малолѣтнихъ дѣтей и обогащеніе ихъ познаніями. Сост. <i>Егоромъ Гупелемъ</i>	—
*108. Артистъ. Перев. съ фр. <i>Д. И. Бумакова</i>	161—162
*109. Вечера моей бабушки. Пер. съ фр. <i>М. и Г.</i>	162
*110. Зависки г-жи <i>Дюкре</i> о императрицѣ <i>Іозефинѣ</i> , о ея современникахъ и о дворахъ <i>Наварскомъ</i> и <i>Мальмезонскомъ</i>	162—163
*111. Наслѣдница. Соч. <i>П. Сумарокова</i>	163—165
*112. Рейнскіе пилигримы. Соч. <i>Бульвера</i>	165—169
*113. Очерки Сѣвера. Соч. <i>Ампера</i>	169—170
*114. Сестра Анна. Соч. <i>Поль-де-Кока</i> . Пер. съ фр. <i>А. Пр...въ</i>	170—171
*115. Стихотворенія <i>А. Контева</i>	172—176
*116. Карманный гомеопатическій лѣчебникъ. Изд. по руковод. <i>Гааса</i> . <i>Фр. Вьяляскаго</i>	176—178
*117. Люди высшаго и низшаго круга. Соч. <i>Пикара</i> . Пер. съ фр. <i>Семенъ Мухачевъ</i>	178—179
*118. Посланіе Петру Ивановичу Рикорду. Соч. <i>Графа Хвостова</i>	178—179
Стихи на освященіе собора. <i>Его же</i>	—
Маньчжурская пѣснь. <i>Его же</i>	—
На памятникъ императору <i>Александру I</i> . <i>Мирзы Джафара Топчибашева</i>	—
*119. Полный и новѣйшій пѣсенникъ. Собр. <i>И—мъ Гурьяновымъ</i>	179—182
*120. Кривой бѣсъ. Соч. <i>А. В—ва</i>	182—183
*121. Тихе ѣдешь, дальше будешь. Перед. съ фр. <i>А. И. Булаковымъ</i>	183
*122. Начертаніе русской исторіи для училищъ. Соч. проф. <i>Погодина</i>	183—185

- *123. Русская исторія для первоначальнаго чтенія. Соч. *Николая Полеваго*. 185—186
124. О русской повѣсти и повѣстяхъ *Г. Голяя*. (Арабески и Мир-города) 186—286 ✓
- *125. Библіотека романовъ и историческихъ записокъ, изд. книгопрод. *Ф. Ротаномъ* на 1835 годъ. 237—240
- *126. Весенніе дѣты 240
- *127. Атаманъ Буря 240
- *128. О стихотвореніяхъ *Баратынскаго* 241—249
- (207). Просодическая реформа. (См. дальше № 207, стр. 514—515).
- *129. Довмонтъ, князь Псковскій. Соч. *А. Андреева*. 1835. 249—250
- *130. Сцены изъ петербургской жизни. Соч. *В. В. В.* 250—251
- *131. Повѣсти *Александра Никитина* 251
- *132. Горе отъ тещи или женись да оглядывайся. Соч. *П. Григорьева* . 252—253
- *133. Плачъ на кладбищѣ. Соч. *Федота Кузмичева* 253—254
- Сельскій колдунъ. *Его же* —
- Незаконнорожденный или жизнь и смерть. Передъ съ польскаго *А. П. Протопоповымъ* —
- *134. Нѣмецко-русскій словарь. Изд. *Я. Брифа* 254—256
- *135. Практическая русская грамматика, изд. *Николаемъ Гречемъ* . . . 256
- *136. Опытъ полнаго учебнаго курса русской грамматики. *М. Д. И.* . . 256—257
137. Грамматическіе уроки русскаго языка *Димитрія Каширина* . . 257—258
138. Отвѣты критикамъ, разсуждающимъ при (объ?) моемъ объявленіи (*Гуслистаго*) 258—260
- *139. Библіотека романовъ и историческихъ записокъ, изд. книгопрод. *Ф. Ротаномъ* 260
- *140. Эшафотъ или сынъ преступника. *А. Виньяна*. Перев. съ фр. *Ивана Гурьянова* 260—261
- *141. Священная исторія церкви ветхаго и новаго завіта. 261—262
- *142. Барановскій или характеристическіе очерки частной жизни Мало-россін 262
- *143. Валерій и Амалія. *Алексія Тимофеева* 262
144. О жизни и произведеніяхъ Сира Вальтера Скотта. Соч. *Аллана Каннистама*. Перев. *Дьявицы Д.* 262—267
- *145. Московскія новости. 267—270
- *146. Карманная книга географіи для дѣтей. Перев. съ нѣмца, пасторъ *Зедергольмъ* 270—271
- *147. Стихотворенія *Алексія Кольцова* 271
148. Театръ. Сынъ природы и др. 271—273
- *149. Стихотворенія *Владимира Бенедиктова* 274—290
150. Краткая географія для дѣтей. По руководству *П. А. Гейма*. . . 291—292
- *151. Записки о Петрѣ Великомъ, соч. *Вилліамса*. Перев. съ англійск. *В. П. Олинъ* 292—293
- *152. О распространеніи Россійскаго государства съ единодержавія Петра I-го до смерти Александра I-го. Соч. *И. Гагемейстера*. 293—294
- *153. Стихотворенія *Владимира Бенедиктова* 294
- *154. Опытъ изслѣдованія нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ. Соч. *Константина Зеленецкаго* 294—295
- *155. Валерія или сѣпая. Пер. съ фр. соч. *Г. Скриба*, дѣйств. студ. *Андрея Павловича* 295—296
- *156. Новѣйшіе повѣсти и разсказы. Соч. (?) *Евгенія Сю, Балзака и Ожера*. 296

*157. Сцены современной жизни. Соч. <i>Алексея Москвитина</i>	297
*158. Весенняя вѣтка	297
159. Журнальная записка	297—306
*160. Примѣчаніе къ стихотворенію <i>К. Эвритидина</i> „Воспоминаніе“	307
*161. Стихотворенія <i>Колцова</i>	307—315
*162. Осенній вечеръ. Изд. <i>В. Лебедевымъ</i>	315—319
163. Театръ. Недовольные, соч. <i>М. Н. Заюсина</i>	319—326
164. Три сердца. <i>Александра Доминскаго</i>	326—327
*165. Исторія Японіи	327—328
166. Покойникъ мужъ и вдова его. <i>Федора Кони</i>	328—330
Иванъ Савельичъ. <i>Его же</i>	—
Заговоръ противъ себя или сонъ въ руку. Соч. <i>Гавр. фонъ-Бейера</i>	—
*167. Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ кавказскихъ. Опис. <i>Платономъ Зубовымъ</i>	330—331
*168. Поединокъ. Соч. <i>Аполлиарія Беркутова</i>	331—332
*169. Цѣлѣ нравственности. <i>Михаила Третьякова</i>	332—333
*170. Авторскій вечеръ	333
*171. Дѣтскій театръ. Соч. <i>В. Федорова</i>	333—335
*172. Примѣчаніе къ ст. Литературная новость	335
*173. Вѣлискій какъ редакторъ „Молвы“ и „Телескопа“	335
*174. Осужденный. Соч. <i>А. Крылова</i>	336
„Телескопъ“ и „Молва“ 1836 г.	
*175. Ничто о ничемъ или отчетъ г. издателя „Телескопа“ за послѣднее полугодіе (1835) Русской литературы	337—383
*176. Мѣсяцесловъ на (високосный) 1836 годъ	383—384
*177. Постоянный зворъ. Записки покойнаго <i>Горькова</i> , изд. его другомъ <i>Н. П. Маловымъ</i> (А. Степановъ)	384—397
*178. О характеръ народныхъ пѣсень у славянъ Задунайскихъ. Набросано <i>Юріемъ Венелинымъ</i>	397—401
*179. Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта. Соч. <i>Дюмонъ-Дорвилемъ</i>	401—403
*180. Библіотека полезныхъ свѣдѣній о Россіи. (С. Строева)	403—405
*181. Востоза или желанія. Соч. <i>Виланда</i>	405—408
*182. Пѣсни, романсы и разныя стихотворенія. <i>А. П.</i>	408—409
*183. Пѣсни <i>Т. м. ф. а.</i> (<i>Тимофеева</i>)	409
Елизавета Кузьманъ. <i>Его же</i>	409—414
*184. Стихотворенія <i>Александра Пушкина</i>	415—417
*185. Естество міра. <i>А. Т.</i>	417
*186. Викторъ или слѣдствія худого воспитанія. Соч. <i>П. . . . С. . . . ва</i>	420—421
*187. Памятныя записки титулярнаго совѣтника <i>Чухина</i> . Соч. <i>Фаддея Буларина</i>	421
*188. О должностяхъ челоуѣка. Соч. <i>Сильвіо Пеллико</i> , пер. съ итал. <i>Николаемъ Хрустальевымъ</i>	421—422
*189. Собраніе римъ по алфавиту	422—423
*190. Провинціальныя бредни и записки <i>Дормедона Васильевича Прутикова</i>	423—429
*191. Прекрасная Астраханка или хижина на берегу рѣки Оки	429—436
192. Огелло. <i>В. Гауфа</i>	437
*193. Библіотека романовъ и историческихъ записокъ, изд. книгопрод. <i>Ф. Ротманомъ</i>	437—438

	стр.
*194. Басни <i>Крылова</i>	438—439
*195. Калькиль. Стих. <i>А. Полежаева</i>	439—440
196. Русская исторія для первоначальнаго чтенія. Соч. <i>Николая Полеваго</i>	440—446
*197. Очерки Константинополя. Соч. <i>Константина Базилы</i>	446—447
*198. Стелло или голубые бѣсы. Соч. графа <i>Альфреда де-Вини</i>	447
*199. Бетта и Томсъ или докторъ Эннеръ и его открытіе. Перев. съ нѣм. <i>С. П.</i>	447
*200. Дѣтская книжка на 1835 годъ, <i>Владимира Бурнашева</i>	447—448
201. Предки Калимероса, <i>Велтмана</i>	448—453
*202. Всеобщее путешествіе вокругъ свѣта. Сост. <i>Дюмонъ-Дюрвилемъ</i>	453—454
*203. Оперы и водевилы. Перев. съ фр. <i>Дмитрія Ленскаго</i>	454—455
*204. Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ писателей. Изд. <i>Николаемъ Надеждинымъ</i>	455
*205. Темные рассказы опрокинутой головы. Соч. <i>Бальзака</i>	456
*206. О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ „Московского Наблюдателя“. 456—514	
207. Просодическая реформа (относится къ 1835 году. См. между №№ 128 и 129)	514—515
Прилѣчанія ко II тому	516—607
Объ акварельномъ портретѣ <i>Вѣлинскаго</i>	608

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Акварельный портретъ *Вѣлинскаго*, въ возрастѣ отъ 27—28 лѣтъ. Принадлежитъ *П. Г. Моравеку*.

*38. Беата ¹⁾).

1780.

I.

Было не болѣе двухъ часовъ, какъ больные въ городѣ Спа, водо-
пійцы, лѣнивицы и игроки, толпились въ залѣ гостиницы при ван-
нахъ, вдругъ дверь распахнулась на обѣ половинки. Сначала хлы-
нулъ изъ нея густой паръ отъ чрезмѣрнаго жару, раздались грубые
звуки голосовъ, появился блескъ тысячи восковыхъ свѣчъ, потомъ
вышелъ синій фракъ съ длинными фалдами и отложнымъ воротни-
комъ, штаны изъ желтой кожи, запятнанные виномъ и пуншемъ, за-
пыленные со шпорами сапоги, руки въ тонкихъ кружевныхъ манже-
тахъ; лице, сіяющее удовольствіемъ, чело сверкающее потомъ, щеки,
побагровѣвшія отъ хмѣлю, двадцатилѣтняя голова, покрытая снѣгомъ
пудры, однимъ словомъ, молодой человѣкъ, который, не оглядываясь
ни на право ни на лѣво, толкалъ и натывался на все встрѣчавшееся
ему и прыгалъ по ступенькамъ лѣстницы, подобно влюбленному коту.

— Сударь! Сударь! вы уронили ваши перчатки и деньги!—

Безполезные крики, напрасные труды; онъ уже далеко, очень да-
леко, онъ уже за дверью; онъ перепрыгнулъ черезъ лѣстницу, че-
резъ перистиль, перебѣжалъ дворъ и аллеи сада, перескочилъ черезъ
рѣшетку ваннъ и уже отдыхаетъ въ доброй почтовой коляскѣ, со-
вершенно заложенной и готовой принять въ себя какого нибудь пу-
тешественника, только конечно не этого. Но что нужды? Баста! по-
гоняй! ѣдемъ!

— Куда же прикажете ѣхать, сударь?

— Куда хочешь.

— Но, сударь!...

— Ступай, куда глаза глядятъ! вотъ пять флориновъ — затвори
дверцы и пошелъ!—

Колеса лобызаютъ землю, лошади бьютъ ее, бичъ свиститъ въ
воздухѣ, почтальонъ куритъ трубку, и коляска катится въ прекрас-
ную лѣтнюю ночь, подъ прекраснымъ звѣзднымъ небомъ, по дорогѣ,

совершенно противоположной той, по которой бы ей должно было слѣдовать... Послѣ продолжительнаго получасу, человѣкъ на тоненькихъ ножкахъ сходить съ лошади, оставляетъ повозку медленно взбираться на гору, вытряхиваетъ изъ трубки золу, набиваетъ ее снова табакомъ, и по троекратной затяжкѣ, еще въ первый разъ открываетъ свой ротъ, и бормочетъ про себя со всею нѣмецкою живостію: „мнѣ кажется, что этотъ молодой человѣкъ сошелъ съ ума... Да, онъ сошелъ съ ума отъ радости, такъ сошелъ съ ума, что его надобно связать, онъ пьянъ, во сто разъ пьянѣе человѣка, проведеннаго воскресный день у заставы, пьянѣе Англійской каютъ-юнгй, ѣдущей изъ Индіи, пьянѣе бабы, возвращающейся съ Гревской площади.—Онъ игралъ, онъ выигралъ..., 15,000 флориновъ скачутъ съ нимъ, у него вездѣ золото, въ фалдахъ, въ карманахъ, въ головѣ, въ ушахъ...

— Красный прошелъ, нечетъ выигралъ, ворчалъ онъ сидя въ коляскѣ, не смотря на ужасный скрипъ колесъ и качку экипажа, отъ которой онъ могъ прикусить языкъ.

— Красный прошелъ, нечетъ выигралъ... Мое!—Извольте играть, господа.—Красный прошелъ, нечетъ выигралъ... Опять мое!—Красный прошелъ, нечетъ выигралъ... И золото горой громоздится передъ нимъ, и при блескѣ свѣтъ горитъ, какъ пылающій Везувій... Эта туча головъ, взгромоздившихся и нависшихъ надъ столами, это множество рукъ, отъ зеленого сукна переходящихъ къ карману, эта толпа игроковъ, зрителей—все исчезло; онъ видитъ только одну вещь—зеленое поле; одного человѣка—банкира; онъ слышитъ только стукъ катающихся шаровъ, онъ понимаетъ только то, что красный прошелъ, нечетъ выигралъ; у него руки только для того, чтобы загребать ими золото, которое ему мечутъ, у него чувства только для того, чтобы выигрывать... Онъ въ забытѣ.

— Пустые тѣ люди, которые бѣгаютъ игры, какъ бѣшеной собаки! вскричалъ онъ... Пустые тѣ люди, которые, живя на свѣтѣ, только и знаютъ, что ѣсть, спать и волочиться!.. Это скоты!.. О, тысячекратно благодарю васъ, милые друзья! вы сказали мнѣ: играй, и будешь человѣкомъ... благодарю, ибо первый мой флоринъ доставилъ мнѣ кучу золота и наслажденій... а что всего важнѣе, я сталъ жить полною жизнію; благодаря вамъ, я понялъ цѣль жизни; мнѣ извѣстны теперь ощущенія, скрывающіяся подъ четырьмя буквами слова: *игра!* О волшебное, очаровательное *красный или черный!* *выигрывай или проигрывай!* здѣсь нѣтъ середины! здѣсь какъ будто бы висишь въ воздухѣ, безъ голоса, безъ дыханія, готовый или вознестись къ небесамъ, или низвергнуться въ бездну; тутъ кажется тебѣ, что твоя голова лежитъ на плахѣ, ты видишь надъ нею топоръ, и

говоришь про себя: упадетъ она или нѣтъ? и это не случайно и не однажды, а шестьдесятъ разъ сряду въ продолженіи каждаго часа, и все это изъ какого нибудь флорина, какъ будто бы изъ милліона, изъ какого нибудь лиарда, какъ будто бы изъ королевства! О игра!... божественное раздраженіе нервовъ, распаляющее крови; огненная горячка, которую сильные умѣютъ скрывать, хотя и чувствуютъ ее даже до оконечности своихъ волосъ; страсть, которая овладѣваетъ всѣмъ существомъ челоѣка, и потрясаетъ его даже до истощенія силы и самой жизни; энергическій синапизмъ, отъ котораго пробуждаются мертвые, отъ котораго тѣло челоѣческое до послѣдней степени изсушенное болѣзнями и годами, тѣло, изрытое морщинами, желтое, каждую минуту готовое обратиться въ прахъ, снова возвращается къ жизни при видѣ колоды картъ, прыгаетъ подъ гальваническимъ штемелемъ (pile) золотой кучи!.. Нѣтъ, поцѣлуй дѣвы, страстные лобзанія женщины, сценическое упоеніе, топанье партера, — все это, въ сравненіи съ игрою, только слабое щекотаніе, едва замѣтное прикосновеніе мухи. Ничего, ничего нѣтъ выше этого *красный прошегъ, нечетъ выигралъ*... О, для чего нѣтъ у меня довольно силы!.. Я помнилъ себя; я бы сорвалъ банкъ, игралъ бы день и ночь, всегда, всю жизнь мою, сталъ бы играть на землю, если бы только могла она умѣститься на столѣ; я бы сталъ играть съ самимъ чертомъ и выигралъ бы... Но счастье разслабило мои нервы въ какіе нибудь три часа, и я вышелъ... Ахъ, бѣднякъ... я ни что иное, какъ баба, которой бы играть только въ погремужки съ своими дѣтьми! Ахъ, *красный прошегъ, нечетъ выигралъ*! ты повиновалось мнѣ цѣлые три часа какъ собака; кто знаетъ теперь, найду ли я когда нибудь?.. я задыхаюсь..

И вотъ онъ высовываетъ свою пылающую голову въ окно коляски, и съ наслажденіемъ впиваетъ въ себя освѣжительное дыханіе вѣтра...

Его сердце облегчается, его артеріи бьются не такъ скоро, онъ отдыхаетъ; подобно дитяти, развертывающему свертокъ рисунковъ, онъ любитъся, смотря на то, какъ гонятся за его коляскою мрачныя и фантастическія формы придорожныхъ деревьевъ, какъ бѣгутъ дома, долины, горы; водяные потоки, серебримые луною, сверкаютъ и браздятся въ глазахъ его, какъ молнія; сама луна, какъ истертая золотая монета, обращаетъ на него свое блѣдно-желтое лице; потомъ въ дѣвственной пучинѣ небесныхъ свѣтилъ онъ старается узнать свою звѣзду; наконецъ, забивается въ уголъ повозки, протягиваетъ ноги, шарить рукою въ жилетъ и закрываетъ глаза...

Гремужки, висяція на ушахъ лошадей, глухое и непрерывное движеніе колесъ, однообразный скрипъ ресоръ, тотчасъ усыпили его. Но мысль бодрствуетъ и блуждаетъ въ странномъ видѣніи: онъ ме-

дикъ... и вотъ за нимъ приходять и зовуть его пустить кровь какой-то женщинѣ *in extremis*: это въ одной кривой улицѣ, въ старомъ домѣ съ вѣтхою лѣстницею, въ пятомъ этажѣ, у какой-то престарѣлой дѣвицы; тамъ при слабомъ свѣтѣ отекшей свѣчи, онъ вынимаетъ свой ланцетъ, и выпускаетъ изъ больной жилы чашку крови. Потомъ старая сосѣдка хочетъ принести ему чѣмъ обмыть руки, ибо въ комнатѣ нѣтъ ни капли воды, ни досютка полотна, чтобы утереться; онъ вынимаетъ свой платокъ, который служитъ ему полотенцемъ; потомъ беретъ за шляпу, но старая дѣвица приподнимается, подзываетъ его къ себѣ, и даетъ ему, въ знакъ благодарности за его старанія, маленькій ящичекъ въ три дюйма величиною, обвязанный розовою полинялою ленточкою. Онъ открываетъ ящичекъ и въ маленькомъ чехолкѣ изъ желтой и истертой кисеи находитъ большаго чернаго паука, лежащаго на спинѣ и двигающаго своими длинными ногами маленькіе лоскутки бумаги, на которыхъ написаны номера, а на задней сторонѣ ящичка онъ читаетъ слѣдующія косыя литеры: *опрное средство выигрывать въ лотерею*; потомъ престарѣлая дѣвица снова ложится, плюетъ и умираетъ... Въ эту минуту коляска останавливается и нашъ мечтатель пробуждается, покрытый холоднымъ потомъ, трепещущій, какъ человѣкъ, къ горлу котораго приставленъ пистолетъ; имъ овладѣваетъ ужасная мысль, что онъ, въ такихъ юныхъ лѣтахъ, будучи покрытъ съ ногъ до головы золотомъ, можетъ быть убитъ или обокраденъ на дорогѣ, въ этой, совершенно незнакомой ему сторонѣ. Онъ наклоняется къ окну повозки и примѣчаетъ гору, деревья и вѣздъ въ деревню... Въ три скачка онъ выпрыгиваетъ изъ коляски и вотъ онъ подъ носомъ почталіона, который высѣкаетъ огонь, и повидимому, очень удивился, увидѣвъ такъ близко подлѣ себя путешественника.

— Гдѣ мы?

— Въ Соверніерѣ, сударь.

— Знаешь ли ты здѣсь кого нибудь?

— Да, сударь, къ вашимъ услугамъ.

— Хочешь ли получить пять флориновъ?

— Хочу, сударь.

— Ну, такъ назови мнѣ какого нибудь честнаго человѣка?

— Честнаго человѣка?—повторилъ почталіонъ, удивленный его вопросомъ.

— Да, самаго честнаго человѣка...

— Ну такъ Францъ Разманъ Венгерецъ; я бы повѣрилъ ему свою трубку и лошадь.

— Возьми, вотъ десять флориновъ за имя твоего честнаго человѣка, будь здѣсь и дожидайся меня.—

Онъ исчезъ. Удивленный почталіонъ позвенѣлъ золотыми монетами, и поднялъ руку, чтобы сунуть ихъ въ карманъ жилета... но его трубка упала на землю и разбилась въ мелкіе куски объ камни.

Вѣда! Вѣда! вскричалъ онъ съ горестію, качая головою, моя трубка разбилась.

— Я продалъ имя честнаго человѣка глупцу... Jesus mein Gott, сжался надо мною!.. Кто знаетъ, что изъ этого выйдетъ?—

II.

Если вы войдете въ хорошенькую деревеньку на берегахъ Рейна, по ту сторону Швейцаріи, въ лѣтній вечеръ, когда небо покрывается по мѣстамъ красными пятнами, подобно разгорѣвшемуся лицу молодой дѣвушки, то у каждаго дверей услышите пѣни.

Тамъ на всякомъ порогѣ собираются, какъ птицы на вѣткѣ, группы всякихъ голосовъ, и очаровываютъ васъ мимоходомъ утонченной гармоніей... Правда, все это только одни вальсы, круговые напѣвы, пѣсенки, много что въ три или четыре ноты, простѣйшія аріи въ мірѣ; но вы промѣняли бы на эту мелодію прекраснѣйшія партіи Беетховена и Моцарта и лучшую примадонну театра Saint-Charles и Scala: такъ много въ аккордахъ этихъ молодыхъ пѣвицъ чистоты и согласія въ голосахъ, которые восхищаютъ и трогаютъ васъ... Это значитъ, что вы въ Германіи, въ этой землѣ, гдѣ самыя грубыя уста одарены музыкальнымъ инстинктомъ, и гдѣ природа вѣроятно хотѣла вознаградить жителей за суровость климата, одаривъ ихъ этой божественною способностію. Музыка, языкъ поэтическихъ душъ, которыя не могутъ выражать своихъ мыслей словами; глаголь живой, обильный, безмѣрный, безконечный, какъ душа, игривый какъ радуга, музыка есть роза Германіи, цвѣтокъ, разливающий столько поэзіи въ тяжеломъ и хладномъ воздухѣ Сѣвера; и съ ея то благовоніемъ бѣдный Нѣмецъ, мрачный и задумчивый, создаетъ себѣ солнечный лучъ посреди своихъ тумановъ, и придаетъ нѣсколько небесной лазури своему сѣрому небу.

Mein Schatz ist ein Reiter,
Ein Reiter muss er seyn;
Das Ross ist dem Kaiser,
Der Reiter ist mein,
Der Reiter ..

У меня любезный—всадникъ,
Всадникъ, всадникъ долженъ быть онъ;
Пусть король возьметъ коня,
Всадникъ будетъ у меня,
Всадникъ...

— Господи Иисусе!

Пѣвица, прерванная въ своемъ принѣвѣ, вскрикнула и отскочила назадъ... Но ей рука находилась въ рукѣ молодаго человѣка, который сжалъ ее.

— Прекрасная моя птичка, не здѣсь ли живетъ Францъ Разманнъ?

— Точно такъ, сударь, здѣсь, войдите.

Молодая дѣвушка, оправившись отъ страха, прыгнула какъ козочка, и толкнувшись въ дверь, снова принялась пѣть птичьимъ голосомъ:

Mein Schatz ist ein Reiter,
Ein Reiter muss er seyn;
Das Ross ist dem Kaiser,
Der Reiter ist mein,
Der Reiter ist mein.

III.

Низкая, закопченная комната, старыя рамы, старые портреты, огромныя занавѣски изъ красной парчи, окно, не много открытое, и совершенно окруженное вьющимися растеніями, виноградными лозами и душистымъ горохомъ, столъ, накрытый грубымъ сукномъ, стулья, печка въ одномъ углу, деревянные часы въ другомъ; на столѣ зажженная лампа, раскрытая Библия, очки, лежащія посреди книги, кучи разсыпаннаго золота; подлѣ стола молодая дѣвушка считаетъ, возлѣ нея молодой человѣкъ смотритъ... Часы бьютъ девять.

„Батюшка возложилъ на меня все дѣло, такъ я стану считать флорины. Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... Нѣтъ, не такъ; дай-ко перечту. Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть... Ей, ей, я не могу продолжать!

— Почему же, сударыня?

„Потому, что вы сбиваете меня съ толку своими глазами.

— Какъ?

„Вы слишкомъ пристально на меня смотрите.

— Эту бѣду легко можно поправить; вы не будете меня видѣть.

„Вы хотите уйти?

— Нѣтъ, я сяду позади васъ; не угодно ли вамъ: моя колѣнка будетъ служить вамъ вмѣсто стула, а рука вмѣсто спинки.

„Очень рада, но только съ условіемъ.

— Все, что вамъ угодно.

„Чуръ не дотрогиваться до меня, а то я очень щекотлива и смѣшлива.

— Будь по вашему.

„Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть... Какъ блестятъ ваши прекрасныя флорины!

— Это правда; но они замараютъ ваши прекрасныя пальчики.

„Я пойду надѣну перчатки.

— Не безпокойтесь, вотъ вамъ мои.

„Онѣ мнѣ не въ пору.

— Неужели?

„Ахъ, какая маленькая рука! Неужели это точно ваша?

— Посмотрите и смѣряйте сами.

„О, нѣтъ: мнѣ стыдно.

— Плутовка, у меня рука такая слабая, что дитя можетъ раздавить ее.

„Въ самомъ дѣлѣ, сударь?

— Попробуйте, вложите свои пальцы между моими.

„О! если бы я могла заставить кричать мужчину!

— Вы считаете это за большое счастье, не правда ли? вы злы!

„Немного.

— Какое же зло сдѣлали вамъ эти бѣдные мужчины, что вы такъ ненавидите ихъ?

„Никакого; это по инстинкту или по предчувствію.

— Любили ли вы когда нибудь?

„И очень. Развѣ это удивляетъ васъ?

— Вы еще совершенное дитя!

„Женщинамъ никогда любить не рано.

— Вы очаровательны.

„Нѣтъ, я глупа.

— Глупа, чтобы изъ другихъ дѣлать дураковъ, а въ томъ числѣ и изъ меня.

„Вольно вамъ говорить.

— Нѣтъ, я такъ думаю.

„Возможно ли это? Вы не знаете даже моего имени!

— Какая нужда до имени, когда я васъ вижу.

„Имя много значитъ въ любви.

— Имя! ровно ничего.

„Именно потому-то оно и важно, что ничего не значитъ.

— Я не понимаю.

„Безъ сомнѣнія, вѣдь вы не женщина.

— Ахъ, насмѣшница, да вы подшучиваете надъ мною.

„Можетъ статься, только мы не считаемъ флориновъ. Знаете ли, сударь, что если наши дѣла пойдутъ такимъ образомъ... такъ я не кончу до завтра...

— Дай, Богъ! моя красавица.

„Совсѣмъ нѣтъ, сударь, я хочу идти спать; ну дайте же мнѣ дочестъ.

— Все, что вамъ угодно; но прежде мнѣ нужно другой счетъ сдѣлать съ вами.

„Я не понимаю.

— Я еще и не подумалъ объ этомъ: вѣдь вы нѣмка?

„Сударь, извините, венгерка.

— Все равно; это пустая игра словъ, я хотѣлъ вамъ сказать...

„Я васъ слушаю.

— Я хотѣлъ сказать, что я васъ люблю.

„Въ самомъ дѣлѣ? но вы меня видѣли только ночью.

— Какая же до этого нужда?

„Какъ, какая? но если у меня черная кожа?

— Не можетъ быть, вы блондинка.

„Но если я какая нибудь калека?

— Моя рука увѣряетъ меня въ противномъ.

„Но если у меня сѣрые глаза?

— Если бы это была правда, такъ вы не сказали бы мнѣ этого, такъ же какъ и того, что вы меня любите.

„Это-то васъ и обманываетъ.

— Ну хорошо; если вы такъ откровенны, то скажите мнѣ, любите ли вы меня?

„Нѣтъ!

— А почему?

„Потому что... много важныхъ причинъ.

— Однако же?

„Потому что, во первыхъ, вы графъ, а я ни что иное какъ бѣдная поселянка.

— Если только это, то я отдалъ бы цѣлый міръ флориновъ и пышныхъ титуловъ за одинъ ароматъ вашихъ волосъ! Что жъ дальше?

„Потому что у меня есть что-то такое, что препятствуетъ мнѣ любить васъ.

— Сердце?

„О, совсѣмъ нѣтъ; но одна небольшая бумажка.

— Какой нибудь талисманъ, можетъ быть?

„Нѣтъ, сударь, маленькая бумажка, въ которой я намарала мой идеаль, идеаль того, о которомъ я мечтала.

— Какая глупость.

„Смѣйтесь, сколько вамъ угодно; вамъ вольно смѣяться, но только мой идеаль—не вы.

— Не я; даже ничего похожаго на меня?

„Ни волоска: онъ брюнетъ, а вы совершенно блѣды и напудрены; его имя Гейнрихъ, а ваше Отто.—Гадкое имя!

— О, плутовка! Но если бы случилось, что я назывался Гейнрихомъ, если бы у меня были черные волосы и темные глаза, то полюбилъ бы вы меня?

„Тогда, тогда бы я еще больше остерегалась этого.

— Да отъ чего же?

„Все отъ чего, да отъ чего! Ну, да отъ того, что вы стали бы тогда играть со мною, какъ кошка съ мышью.“

— Ей ей, я бы съѣлъ васъ! (Обнимаетъ ее).

„О, батюшка, батюшка!“

— Милое дитя...

Глубокое молчаніе... Лампа погасла, луна бросаетъ на стекло оконшка три блѣдныя луча; потомъ часы бьютъ полночь. Молодая дѣвушка давно уже спитъ или только дремлетъ. Что же касается до молодого глупца, онъ скачетъ въ почтовой коляскѣ по дорогѣ въ Спа, и въ два часа утра входитъ въ гостинницу безъ денегъ и даже безъ росписки, которую приготовилъ ему старый венгерецъ, но довольный, но нетерпѣливый возвратиться на завтра въ Совеньеръ. На другой день онъ пустился по дорогѣ въ Парижъ; онъ получилъ изъ Франціи письмо: отецъ его былъ при смерти.

IV.

Въ 1780 году Парижъ былъ тоже, что и теперь—Содома Европы, горнило сильныхъ и новыхъ умовъ въ непрерывномъ кипѣніи, пандемоніумъ философовъ, экономистовъ, болтуновъ и бумагомарателей, бездна, въ которую вербовалась черная шайка разрушителей троновъ и алтарей: короче, Парижъ былъ Титанъ, лежавшій въ грязи, раздавленный подъ каменною горою, но готовый потрясти міръ малѣйшимъ своимъ движеніемъ... И однакоже тамъ танцовали съ такимъ же усердіемъ какъ и нынѣ, только танцовали въ штанахъ и фижмахъ, съ мушками и съ пудрою, что впрочемъ ничуть не мѣшало mademoiselle Арнульдъ быть самымъ умнымъ, самымъ любезнымъ, самымъ дерзкимъ лицомъ своего вѣка; господину Мирабо краснорѣчивѣйшимъ негодиемъ изъ тѣхъ, которые наносятъ вредъ женщинѣ и монархіи, а прекрасной, цвѣтущей Ламбалль самымъ бѣлымъ цвѣткомъ, какой только распускался когда либо въ цвѣтніи, цвѣткомъ, котораго когда либо сѣмена санюлота изъ бѣлаго дѣлали впоследствии краснымъ...

И такъ были танцы въ Парижѣ, въ предмѣстіи Сень-Жермена, въ улицѣ Вареннъ, у одной знатной вдовы, которая выдавала замужъ дочь свою: это былъ свадебный балъ,—великолѣпный пиръ, буфеты, наваленныя въ три этажа, огромныя комнаты, живописныя изображенія à la Boucher, куча маркизовъ, толпа графовъ, лѣсъ шпагъ, дождь синихъ кордоновъ, градъ красныхъ коблуконъ, шаконны ¹⁾

¹⁾ Старинный танецъ.

минуэты, бириби ¹⁾ фараонъ, бездна серебра, бездна ума, бездна не-благопристойности. Малютка, чудо красоты, однимъ словомъ ново-брачная, была бѣдная молодая дѣвушка, очень неловкая, очень невинная, еще не забывшая своего апостольника, дѣвочка, которую вытащили изъ монастыря, что бы наругать, какъ старуху и поставить, какъ жемчужину на длинный корпусъ, и впрятать въ фижмы въ восемь или десять локтей ширины. Со всѣмъ тѣмъ она была прекрасна, немного блѣдновата, несмотря на свои румяны и свои восемнадцатъ лѣтъ, и происходила изъ хорошей фамилии. Она носила *d'or à la vivre d'azur, mise en bande par aucuns d'or à la bande vivrée d'azur*... все, что только есть самаго бесполезнаго и самаго безтолковаго въ блазонической матеріи (*en matière blazonique*), все это при Графской коронѣ и двухъ стахъ тысячахъ ливровъ приданого: это была, мнѣ кажется, Лабонъ-Мореверъ. Что же касается до жениха, про него говорили, что у него было больше предковъ, нежели ефимковъ, и что онъ для того только женился, чтобы поправить балансъ, ибо въ женщинахъ онъ любилъ одну только кожу, которая непременно должна быть нѣжна и бѣла. Что касается до сердца, онъ объ немъ заботился не болѣе, какъ о корѣ померанца или объ орѣховой скорлупѣ. Онъ обыкновенно говаривалъ, что польза, получаемая отъ женщинъ, не равняется вреду, который онѣ намъ причиняють, и что, сверхъ того, съ ними всегда что нибудь да теряешь: или свое время, если онѣ любятъ насъ изъ тщеславія, или деньги, когда онѣ выходятъ за насъ по расчету, или здоровье, когда онѣ приковываютъ насъ къ себѣ любовію. Это не значить, чтобы онъ зналъ тысячи женщинъ, но одна или двѣ, которыхъ онъ хорошо изучилъ и разсмотрѣлъ, дали ему объ этомъ предметѣ лучшее понятіе, нежели какое могло бы доставить обладаніе цѣлымъ гаремомъ.

Впрочемъ это былъ очень любезный, ловкій малой, и большой оригиналъ; человѣкъ, который готовъ былъ отдать двадцать парижанокъ за одну Англійскую лошадь, и всю литературу осьмнадцатаго столѣтія за три неизвѣстныхъ стихка какого нибудь пріятели гг. Панжей. Въ этотъ вечеръ онъ танцевалъ мало, а игралъ много, и между тѣмъ какъ его жена переходила изъ рукъ въ руки, бѣгала сломя голову, толкалась, вертѣлась и прыгала до того, что задохнулась и растеряла свои подвязки, онъ сыпалъ полными горстями золото на игорный столикъ.

Наконецъ, къ полночи, новобрачная удалилась въ свою комнату съ матерью и женщинами. Когда она ушла, мѣсто ея долго оставалось еще за дюжиною вбѣсившихся маркизъ, которые танцовали до

¹⁾ Родъ Италіанской картежной игры.

упаду; но усталость наконецъ прогнала танцоровъ и танцорокъ. Все исчезло, и оркестръ и свѣчи. Даже игроки, обыкновенно составляющіе собою самое упорное и упрямое племя, мало-по-малу удаляясь изъ рядовъ, уходили одинъ за однимъ и, наконецъ, всѣ оставили залу, всѣ... кромѣ двухъ, и эти два... играли не въ карты, но въ кости, и находились въ самомъ пылу игры, и потому хотѣли скоро выйти.

„Чортъ возми, пропадай Графиня, и все приданое. Тысячу луидоровъ, маркизъ?

— Очень хорошо, бросай кости;—три, пять; проиграно.

„Двѣ тысячи луидоровъ?

— Два, шесть; проиграно.

„Десять тысячъ, маркизъ?

— Одинъ, пять; проиграно. Вотъ двѣстѣ тысячъ ливровъ!

„Двѣстѣ тысячъ ливровъ!

— У тебя нѣтъ ничего больше?

„Нѣтъ!

— Такъ прощай!

„Послушай Маркизъ, вотъ вещь, которая стоитъ пятнадцать тысячъ флориновъ. (Онъ вынимаетъ изъ за галстука локонъ бѣлокурыхъ волосъ, связанныхъ синею ленточкою, и бросаетъ ее на столъ).

— Не съ ума ли ты сошелъ? локонъ волосъ!

„Я говорю тебѣ, что это стоитъ пятнадцать тысячъ флориновъ; даю тебѣ въ томъ честное слово; это лучше нежели иная хорошая аренда.

— Ну; очень хорошо. —Четыре, шесть; проиграно.

„Опять... чортъ побори!

— Больше ничего нѣтъ?—

Ничего...

— Такъ и быть; ты играешь несчастливо, но я не хочу твоей новой монеты, я дарю тебѣ ее.—До свиданія, Отто.

— Спокойной ночи.

Графъ остался въ своихъ креслахъ, какъ пораженный громомъ, съ глазами устремленными на локонъ волосъ, который сей часъ упалъ къ нему, и съ руками пригвожденными ко лбу.

Маркизъ поправилъ свой измятый галстукъ, выпустилъ манжеты, и поглаживая рукою волосы, сдѣлалъ пируэтъ на каблукѣ; потомъ скрылся, напѣвая сквозь зубы одну рождественскую пѣсню послѣдняго царствованія.

V.

Лишь только каблуки Маркиза оставили дверь залы, какъ старая фигура, покрытая толстымъ слоемъ румянъ и закутанная огромнымъ

катоганомъ, повисла на плечахъ погибающаго, и нашептывая ему на ухо разными глупостями, напомнила ему, что уже очень поздно, и что онъ супругъ... Это напоминаніе живо вывело его изъ терпѣнія; онъ всталъ и позволилъ себя вести туда, куда другіе бросаются съ восторгомъ и лихорадочною дрожью отъ радости. Онъ вошелъ къ своей женѣ, блѣдный и холодный какъ мраморъ, какъ статуя командора у Дона Джіованни.—Онъ очутился въ богатѣйшемъ будуарѣ, устланномъ прекраснымъ персидскимъ ковромъ, убраннымъ цвѣтами, китайскимъ фарфоромъ, погруженномъ въ молчаніе, освѣщенномъ слабымъ и нѣжнымъ свѣтомъ; и по всѣмъ угламъ будуара разливался пріятный женскій ароматъ; атласное платье съ синими цвѣтами, газъ и кружева висѣли въ безпорядкѣ на спинкѣ софы; полуоткрытая постель была еще дѣвственна... новобрачная спала около нея въ креслахъ.

Это была одна изъ тѣхъ очаровательныхъ фигуръ, которыя часто выходили изъ подъ пріятной и роскошной кисти Ватто, одно изъ тѣхъ тысячи одного женскихъ одушевленій, которыя принадлежали только ему одному, и которыхъ онъ умѣлъ съ такою прелестью изображать спящими въ пріятной бесѣдкѣ, или прогуливающимися съ такою легкостью по террасѣ прекраснаго сада; милое, очаровательное личико, роза съ молокомъ, съ улыбкою тонкою и порхающею, какъ пчела, съ бѣлокурыми подвязанными волосами, съ черною лентою на шеѣ, съ плѣнительными формами, и, какъ паръ, плавающее въ большой волнующейся купальнѣ; дитя, спавшее отъ всего добраго сердца и со всею тишиною затворницы. Сколько ни говорили ей мать и толпа опытныхъ и услужливыхъ пріятельницъ: „ты находишься на границахъ новаго бытія, ты узнаешь источникъ доселѣ невѣдомыхъ тебѣ ощущеній: смотри же хорошенько“. Не смотря на любопытство свойственное молодой дѣвушкѣ, и свое нетерпѣніе жены, не смотря на то, что сердце ея билось отъ желанія, усталость послѣ бала и танцевъ перемогла въ ней всѣ другія ощущенія. Она склонила свою головку и предалась сну. Ея щека, подпертая рукою, придавала ей видъ нѣсколько суровый, что чудеснымъ образомъ было ей къ лицу; другая опустившаяся рука мяла еще по временамъ листки розы, упавшей съ головы ея; а одна изъ ея прелестныхъ ножекъ, высвободившись изъ спальнаго башмака, тихо ударила по креслу, какъ будто бы повторяя во снѣ мѣру и кадансъ гавота или сарабанды.

Отто не могъ ничего дѣлать, какъ только смотрѣть на нее: такъ была она прелестна и мила. Долго, очень долго разсматривалъ онъ ее, сначала какъ прекрасную вещь, которая привлекаетъ и плѣняетъ взоры, потомъ какъ кроткій свѣтъ, который освѣтилъ на минуту мракъ его мыслей, какъ ангела, который пролетѣлъ по аду его души; послѣ того, насмотрѣвшись на нее и надумавшись о такой юности, о такомъ

блаженствѣ, о такой красотѣ, онъ почувствовалъ въ своемъ сердцѣ что-то такое, чего никогда еще не испытывалъ, какой-то ледяной холодъ, заставившій стучать его зубы; родъ угрызенія совѣсти, что показалось ему очень шутовскимъ и заставило смѣяться. Но лице его очень скоро приняло опять свой сурьезный видъ; тогда, подобно дикому звѣрю въ своемъ логовищѣ, онъ, съ поникшею головою и свирѣпымъ взоромъ, началъ измѣрять комнату большими шагами взадъ и впередъ; и всякій разъ, когда мимоходомъ задѣвалъ ногою за кресло, на которомъ спала жена его, какое-то внезапное ощущение, какой-то магическій ознобъ пробѣгалъ по его тѣлу.

Послѣ проигрыша остается только или утопиться или лечь спать; выборъ того или другаго зависитъ отъ темперамента и важности проигранной суммы; иногда, если не прибѣгаютъ къ первому средству, то второе бываетъ чрезвычайно хорошо для успокоенія чувствъ и освѣженія головы.

О! какъ сладко, какъ пріятно, съ полнымъ сердцемъ и пустымъ карманомъ, наострить лыжи, и при вѣтрѣ, въ морозъ, въ ночь и бурю, вбѣжать на свой пятый этажъ, закутаться въ одѣяло, и тамъ въ безмолвіи и мракѣ, наединѣ съ своимъ позоромъ, топтать ногами, скрежетать зубами, клясться, называть себя подлецомъ и негодемъ, жаловаться на самого себя, проклиная самого себя, пережевывать свою желчь и злобу до тѣхъ поръ, пока сонъ и усталость не овладѣютъ вами и не перенесутъ васъ въ другой міръ! Но изъ за буйльота или рулетки очутиться среди своего семейства, приникнуть головою на грудь жены, слышать, какъ бьется отъ безпокойства подлѣ тебя другое сердце, видѣть устремленные на тебя глаза, слышать уста, которыя тебя вопрошаютъ, подавлять въ себѣ ярость и немочь, извергнуть ее изъ себя всѣми порами своего тѣла... о! это значитъ переходить изъ одного ада въ другой, изъ одной пытки въ другую, съ раскаленного желѣза бросаться въ растопленное олово... Это значитъ испытывать казнь Отто. Бѣднякъ выбился изъ силы: „Ни одного су! восклицалъ онъ тихимъ голосомъ; ни одного су! раззоренъ огложенъ до костей, всего лишенъ... и бѣдность, бѣдность для двоихъ, троихъ, четырехъ... потому что бѣдность дьявольски плодородна... бѣдность... невозможно!...“

На печкѣ стоялъ графинъ съ водою; Отто снялъ его, и съ силою втягивая въ себя воду, опорожнилъ его, не переводя духу — такъ хотѣлось ему пить... Потомъ снова началъ онъ ходить большими шагами, и кружиться по комнатѣ, безпрестанно повторяя глухимъ голосомъ, подобно Гамлету: „Бѣдность... бррръ!...“ О! нѣтъ ничего хуже, какъ кружиться; волкъ кружится, колдунья кружится, орелъ кружится; круженіе призываетъ зло; адъ ходить кругомъ. Чѣмъ болѣе

Графъ удвоивалъ шаги и описывалъ круги, тѣмъ болѣе разгорячалась и кружилась его голова; онъ ходилъ, какъ молодая дѣвушка, дозволившая увлечь себя въ вихорь вальса, какъ дитя, которое идетъ въ туманѣ или которое страждетъ головою болью.... Его глаза и губы были бѣлы, а щеки пламенѣли; онъ изрыгалъ изъ устъ тысячу глухихъ и невнятныхъ словъ, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. То мялъ обоими руками локонъ волосъ, вынутый имъ изъ-за пазухи, то обвертывалъ его вокругъ шеи, то игралъ имъ въ бѣшенствѣ, какъ будто бы горстью золота; то схватывалъ шпагу, и вынималъ ее до половины изъ ноженъ; казалось, онъ хотѣлъ исполнить какое-то горестное намѣреніе; открывалъ окошко и смотрѣлъ внизъ; казалось онъ былъ въ нерѣшимости и колебался въ выборѣ, разсчитывая, какаѣ смерть короче, и скорѣе; потомъ снова принимался ходить, но смерть все была въ его взорахъ, въ его костяхъ, въ его мысляхъ. Наконецъ, задыхаясь и выбившись изъ силъ, онъ остановился посммотрѣть на тихія и ясныя черты своей юной супруги. Бѣдная дѣвушка могла бы умереть въ эту минуту, если бы сонъ оставилъ ее и она увидѣла это обезображенное и вытянувшееся отъ отчаянія лицо; но она не проснулась, и мужъ, схвативши ее на руки, подбѣжалъ на край окна, и свѣсилъ ее надъ бездною въ тридцать футовъ. Окошко выдавалось на улицу. Все было пусто; видѣлись одни камни мостовой. Онъ занесъ ногу на балконъ, посммотрѣлъ на спищю, и вскричалъ: „Ну, однимъ камнемъ два удара!“.. Но въ эту минуту часы Миссиіи пробили четыре. Тогда было еще лѣто, и солнце проводило по небу бѣлыя и желтыя полосы. Свѣжій воздухъ и впечатлѣніе вѣтра пробудили малютку; она открыла свои большіе голубые глаза, будто цѣпью обвила руками шею мужа, и такъ близко, такъ близко приложила свою щеку къ губамъ Отто, что... негодий предпочелъ жизнь, и бракъ былъ совершенъ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Беата.

(Окончаніе).

Печаленъ конецъ осени: природа, которая такъ радуется васъ весною, которая просвѣтляетъ вашу душу какъ небо, и малѣйшею травкою возбуждаетъ на лицѣ вашемъ улыбку, природа опечаливаетъ и наводитъ на васъ тоску въ Ноябрь: небо тогда тускло, листья желты, деревья мрачны; становится холодно, душа содрогается въ тѣлѣ, и мысли о смерти ниспадаютъ на васъ съ деревьевъ, вмѣстѣ съ листьями. Тогда чувствуешь какую-то потребность встрѣчаться съ людьми, которые ходятъ, движутся, говорятъ и наслаждаются

совершеннымъ здоровьемъ; какую-то нужду въ движеніи, въ дѣятельности, чтобы не разувѣриться въ жизни. Особенно въ гористой и мало населенной сторонѣ этотъ закатъ времени производить тяжелое впечатлѣніе; тамъ все усиливаетъ грусть: и огромныя черныя массы, неподвижныя какъ гробы, и этотъ день, который съ трудомъ пробивается сквозь ихъ гладкія и оборванные вершины; нигдѣ не встрѣчаешь никакого живаго существа, развѣ увидишь корову, или козу, висящую на склонѣ косогора. Такимъ образомъ и пребываніе на водахъ, столь восхитительное и прохладное въ горахъ, при началѣ дурнаго времени года дѣлается пустынею и ужаснымъ уединеніемъ. И такъ въ концѣ этой-то печальной осени ѣхала по дорогѣ изъ Спа въ Мальмеди ивовая одноколка, заложенная маленькою и худошавою лошадкою.

Внутренность одноколки была занята извозчикомъ, ея владѣльцемъ и двумя путешественниками: младшій сидѣлъ въ самой глубинѣ экипажа, на дорожныхъ узлахъ, закутавшись въ плащъ и нахлобучивъ шляпу на носъ; старшій раздѣлялъ съ кучеромъ кôзлы. Последній былъ толстый Нѣмецъ, свѣжій, молчаливый и страшный трубкакуръ. Отѣхавши отъ города небольшую милю, этотъ почтенный мужъ вынулъ кисеть, набилъ трубку и высѣкъ огня; тогда щеки его превратились въ вулканъ и выпускали изъ себя клубы дыма, которые могли бы задушить цѣлый міръ. Его товарищъ, сидѣвшій съ правой стороны, лишь только почувствовалъ запахъ табаку, тотчасъ вынулъ изъ кармана толстый роговой чубукъ безъ трубки, и ни мало не безпокоясь, какъ будто бы онъ держалъ въ зубахъ прекраснѣйшую пенковую трубку, или лучшую Индійскую гуку, принялся съ важностію сосать этотъ роговой кусокъ, надувать свои щеки и харкать по временамъ, какъ будто настоящій курильщикъ. Велико было изумленіе путешественника; но какъ Нѣмецъ, онъ изъяснилъ его не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ; онъ все еще ожидалъ трубки, наконецъ чубука, табаку и огню, но ничего этого не было. Тотъ продолжалъ погонять кнутомъ свою сухую лошаденку и курить изъ своего роговаго чубука. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, видя человѣка, курящаго безъ трубки, Нѣмецъ широко разинулъ свой ротъ и вскричалъ сердитымъ тономъ: „Sacrement! Эй, малой, или у тебя чортъ сидитъ въ тѣлѣ!“

— Какъ видите, отвѣчалъ извозчикъ. — Нѣмецъ, изумленный этимъ отвѣтомъ совершенно побавровѣлъ, и сдѣлалъ крестное знаменіе; ибо онъ былъ хорошій Христіанинъ, не смотря на то, что принадлежалъ къ Аугсбургскому исповѣданію и, слѣдовательно, былъ раскольникъ.

„Дьяволь! дьяволь!“ возразилъ онъ.

— Да, сударь, самъ дьяволъ: одинъ разъ въ моей жизни я имѣлъ несчастіе быть его почталіономъ; по его милости я раскололъ лучшую трубку, которая была единственною въ моемъ родѣ, и съ того дня я сосу кусокъ рога, чтобы не потерять привычки цѣлой моей жизни и не дать моимъ губамъ смыкаться подобно табакерочной крышкѣ... Эхъ! охъ! охъ!..

„Дьяволъ, дьяволъ!“ продолжалъ толстый Нѣмецъ.

— Да, mein Herr, онъ самый съ мясомъ и костями. Сказать по совѣсти, прекрасный молодой человѣкъ, завитый, распудренный, обли- тый золотомъ, славный краснобай и большой руки повѣса, словомъ, Французъ... Это былъ точно дьяволъ, потому что укралъ у меня имя честнаго человѣка за шесть флориновъ, погубилъ молодую дѣвушку и разорилъ честнаго служаку, стараго Радмана Венгерца... Этому ужъ скоро будетъ два года... Охъ! я буду помнить это долго, долго, всю жизнь мою... да, я могу объ этомъ только думать, потому что у меня нѣтъ слезъ... Эхъ! охъ! охъ!

„Берегись, малой, твоя лошадь оступилась; не вывали насъ...“

— Охъ! охъ! это ничего. Ну, Саксонъ, дружище, смѣлѣе: мы скоро приѣдемъ... Этотъ бѣдный Радманъ, раззоренный, совершенно раззоренный, принужденъ былъ жить въ бѣдной лачугѣ за деревнею, очень далеко за деревнею, бывши прежде богатымъ, довольнымъ, счастливымъ, и имѣвши такую красоточку дочь!.. И сказать что этому виною я... потому что одинъ разъ, только одинъ разъ везъ дьявола... О! это можетъ разорвать на части сердце всякаго человѣка, у котораго есть хотя капля совѣсти... Jesus, mein Gott! помилуй меня!..

„Сказать правду, молодецъ, если ты будешь продолжать, то и я заплачу съ тобою... Но скажи же мнѣ, какимъ образомъ дьяволъ?...“

— Ахъ, сударь! это слишкомъ печальная и слишкомъ длинная исторія!.. Съ этого роковаго дня, я поклялся не курить больше трубки и ни слова не говорить объ этомъ происшествіи... Къ тому же, вотъ ужъ мы и въ деревнѣ: мостовая стучитъ подъ копытами лошади, и огни въ окнахъ сіяютъ, какъ звѣзды... Ну, ну, Саксонъ, дружище, остановись! Охъ! охъ! охъ! охъ! стой, здѣсь будетъ овесъ.—

Лошадь остановилась; одноколка затрещала на своихъ ивовыхъ ребрахъ, и изъ нея вышли: извозчикъ, Нѣмецъ и молодой человѣкъ въ плащѣ. Оба путешественника заплатились въ молчаніи за провозъ и разошлись другъ съ другомъ. Первый направилъ свои шаги къ дурной кормѣ, украшенной желтою и вполонину ободранною вывѣскою, съ изображеніемъ сосновой вѣтви; второй остался подлѣ лошади, и между тѣмъ, какъ извозчикъ развязывалъ у нея черезсѣдѣльникъ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами, тщательно закрываясь своимъ плащомъ:

„Вѣдь здѣсь Совеньеръ, добрый человѣкъ?“

— Здѣсь, сударь.—

„На долго ли ты здѣсь останешься?“

— До утра, сударь.—

„Ну, хорошо! Если ты хочешь довести меня до Спа, то будь готовъ рано поутру.“

— Хорошо, сударь.—

„Вотъ тебѣ на вино за мое здоровье!“

Молодой человѣкъ бросилъ въ руку извозчику талеръ.

„Вотъ все, что я могу.“

— Вы очень милостивы, сударь! Завтра, у корчмы; прощайте, сударь!

Молодой человѣкъ исчезъ, и старый извозчикъ долго мотрѣлъ въ слѣдъ ему, какъ будто бы пораженный какою-то знакомою мыслию, быстро промелькнувшею въ головѣ, какимъ-то возвратившимся воспоминаніемъ; ему казалось, что онъ слышалъ когда-то звукъ подобнаго голоса, что онъ видѣлъ гдѣ-то такую талию и два горящіе глаза, устремленные на него; онъ долго искалъ слѣдовъ этого воспоминанія въ хранилищахъ своей памяти; но, не будучи въ состояніи найти ихъ, онъ посмотрѣлъ на талеръ, спряталъ чубукъ, и поставилъ лошадь на конюшню.

VII.

Отто, ибо это онъ прибылъ въ Совеньеръ въ негодной одноколки, Отто не долго искалъ хижину стараго Венгерца, и, на полвыстрѣла отъ деревни, нашелъ, посреди березовой кущи, на берегу быстрого ручья, довольно обширное строеніе, къ вершинѣ котораго была привѣшена, какъ гнѣздо ласточки къ стѣнѣ, длинная пихтовая крыша, спускавшаяся до самой земли. Эта кровля скрывала или покрывала одно или два окна, сквозь которыя проникалъ слабый красноватый свѣтъ. Къ этому-то сараю, къ этому-то дрянному домишку направилъ Графъ шаги свои.

Дверь была отворена, и онъ вошелъ въ низкую и сырую комнату. Сначала онъ ничего не могъ видѣть; но тотчасъ глаза его, при помощи множества угольевъ, тлѣвшихъ на очагѣ, и освоившись нѣсколько съ темнотою, какъ будто бы онъ находился въ погребѣ или тюрьмѣ, проникли мало по малу густой мракъ, и наконецъ разглядели у печки старика, вполонину посруженнаго въ большое дубовое кресло. Его чело, обнаженное и гладкое, какъ колыно женщины, блестѣло при свѣтѣ огня; его руки, колеблемыя правильнымъ движеніемъ, поднимались и опускались въ гармоніи съ ногою. Можно было бы подумать, что онъ игралъ на какомъ нибудь инструментѣ.

и выбивалъ тактъ; но онъ просто прылъ лѣвъ на прылѣкъ, ни мало не замѣтивъ, что кто-то вошелъ. Женская работа въ рукахъ мужчины почти всегда есть признакъ дряхлости или слабоумія. Отто, не смотря на то, что былъ совершенно занятъ своими мыслями, не могъ удержаться, чтобы не подумать объ этомъ двѣ или три минуты; онъ стоялъ передъ этимъ старымъ прыльщикомъ, со сложенными руками, съ напряженнымъ взоромъ, какъ путешественникъ передъ развалиною, и думалъ о тяжелой рукѣ времени. Съ трудомъ вѣрилось ему, чтобы это было тѣло человѣка, нѣкогда столь крѣпкаго и здороваго, а теперь колеблющагося, подобно старой лампѣ безъ огня; чтобы эти сильныя колѣна, которыя нѣкогда понуждали къ бѣгу лошадей посреди битвы, были столь слабы и хилы; чтобы эта рука, которая нѣкогда такъ хорошо владѣла саблею, теперь едва была въ состояніи держать веретено; наконецъ, чтобы всѣ мысли человѣка могли быть обращены только на движеніе колеса.

О дряхлость, о несчастная старость! какъ хороша смерть въ то время, когда душа еще крѣпка и тѣло прямо! Какъ прекрасно пасть во цвѣтѣ лѣтъ и во всей своей силѣ!

Отто подошелъ къ прыльщику, и снявши свою шляпу, сказалъ: „Господинъ Рацманнъ, имѣю честь свидѣтельствовать вамъ мое почитеніе.“

Дряхлый старикъ не отвѣчалъ, и продолжалъ вертѣть колесо.

„Не съ Господиномъ ли Францомъ Рацманномъ имѣю я честь говорить?“ вскричалъ Отто громче.

Наконецъ старикъ остановился и посмотрѣлъ на него.

„Я не думаю, сударь, чтобы вы могли меня знать, потому что уже очень давно вы не видали меня; но мое имя, можетъ быть...“

Старикъ всталъ, и кивнулъ слегка головою.

„Я Графъ Отто.“

Старикъ наморщилъ свой лобъ, приподнялъ голову и повторилъ протяжно: Графъ Отто!.. Потомъ еще разъ посмотрѣлъ на чужестранца, и затрепеталъ всѣми членами какъ бы въ лихорадкѣ, и, опустивъ руки, засверкавъ глазами, уронилъ на землю свое веретено. Вдругъ комната освѣтилась внезапнымъ свѣтомъ, и молодая женщина показалась съ лампою въ рукѣ между чужестранцемъ и старикомъ.—Батюшка, да пойдете ли вы спать!—Эти слова, казалось, произвели на него магнетическое дѣйствіе. Повиновеніе собаки своему господину котораго она вмѣстѣ и боится и любитъ, не покорнѣе того, которое этотъ старый отецъ оказывалъ своему дѣтищу.

Онъ всталъ, не говоря ни слова, съ своего большаго кресла, оставилъ работу, и подобно мартышкѣ, повинующейся голосу своей ма-

тери, вышелъ, запинаясь и шатаясь изъ стороны въ сторону, не думая ни разу оборотить назадъ головы. Онъ отворилъ дверь и исчезъ.

Молодая женщина осталась въ томъ же стоящемъ и неподвижномъ положеніи, опираясь руками на спинку кресель, и слѣдя глазами за уходящимъ отцомъ; стремительное движеніе ея груди и колебаніе косынки обнаруживали ея смущеніе и волненіе.

Когда уже не слышно было никакого шума, она воскликнула слабымъ и прерывающимся голосомъ: такъ это вы, сударь?

Графъ не отвѣчалъ ни слова; онъ отряхнулъ свою шляпу, взмокнушую отъ вечерней росы, отеръ свое чело, орошенное потомъ, и подошелъ къ огню.

— Такъ это вы, сударь? О! вы слишкомъ поздно пришли!

„Это правда, сударыня, я пришелъ очень поздно, можетъ быть, слишкомъ поздно.

— О, Господинъ Графъ! нѣтъ, нѣтъ, не думайте этого!—

И тотчасъ открывши косынку, покрывавшую ея грудь, она вынула изъ нея лоскутъ сложенной бумаги и подала его Графу, при-
свокупивъ съ нѣкоторымъ родомъ гордости:

Вотъ росписка въ 15,000 флориновъ, которую мой отецъ пригот-
овилъ вамъ; вотъ она въ такомъ точно видѣ, какъ вы оставили
ее... онъ никогда не оставлялъ мнѣ ее—и завтра, сударь... завтра...—

Она не могла докончить: такъ сильно трепеталъ ея голосъ. Усиліе, которое она сдѣлала, чтобы скрыть свое волненіе, тонъ, которымъ она удалила своего отца, эти новыя слова, присутствіе Графа, столько ударовъ, разомъ нанесенныхъ, — всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы поколебать нервы молодой дѣвушки. Ея колѣна подогнулись и она упала въ кресло, стоявшее у печки. Отто видя, какъ она колеблется, бросился къ ней, поддержалъ ее своими руками и сѣлъ подлѣ нея на дурномъ стулѣ. Какъ скоро пришла она въ чувство, то начала смотрѣть на своего любовника съ совершенно небесною радостію. Казалось, она не могла наглядѣться на него, не могла послушаться его. Онъ былъ прекрасенъ какъ звѣзда, сладкозвученъ какъ лира. Не удовольствовавшись этимъ, она хватала его руки, подносила къ своимъ устамъ и цѣловала ихъ, какъ безумная.

— О Генрихъ! вскричала она, для чего вы такъ медлили своимъ возвращеніемъ! Сколько часовъ мученія и нестерпимой тоски провела я въ ваше отсутствіе! Какъ я считала всѣ минуты съ того дня, какъ вы меня оставили! Три года, три цѣлыхъ года прислушиваться къ вашимъ шагамъ—о, это слишкомъ тяжело, слишкомъ продолжительно для такой дѣвушки, какъ я, слабой и живущей уединенно съ старикомъ посреди горъ! Ни одного раза не показывалась я въ Кермес-
сахъ, не танцевала, не пѣла, какъ бывало прежде,—я все сидѣла

у окна или у порога двери; я вязала чулокъ, и не могла сдѣлать ни одной петли; я ожидала васъ, а вы не приходили... Мужчины жестоки, не правда ли? очень жестоки!..—

Отто отнялъ свои руки отъ устъ Нѣмки, и смотрѣлъ на нее, не говоря ни слова.

— Вы на меня смотрите, о мой любезный! Увы! я теперь не больше какъ нищая. Горюшка сожрала все мясо моихъ костей. Сѣверный вѣтеръ помрачилъ прекрасный цвѣтъ моихъ ланитъ. Роза и лилія майская уже не будутъ мнѣ завидовать: я уже не румяна и не бѣла, подобно имъ; я уже не веселая птичка, которую вы застали нѣкогда поющую подлѣ гнѣзда! Вы наполнили любовью это бѣдное сердце; вы затопили его, какъ затопляется полевой цвѣтокъ первою каплею, упавшею съ неба... и оно сокрушилось! О! я теперь не больше, какъ тѣнь! Посмотрите на мои руки, какъ онѣ измождены! Посмотрите, какъ суха моя грудь! Теперь все это приводитъ въ ужасъ: вотъ какъ я страдала!

„Бѣдная дѣвушка!“

— О! такъ вы не ошиблись, называя меня бѣдною и жалкою! Нельзя быть бѣднѣе и достойнѣе сожалѣнія меня и моего отца! Жестоко впасть въ бѣдность, проведя свое дѣтство въ изобиліи; ужасно проводить жизнь свою въ шитьѣ и пряденіи, изъ чего же? Чтобы добыть кусокъ хлѣба! Что вы хотите? Несчастье вошло въ нашъ домъ, какъ солдатъ; оно все ограбило, все разорило. Батюшка два раза попадалъ въ тюрьму, и я не оставляла его, я раздѣляла его черный хлѣбъ. Когда мы оттуда вышли, со мною обошлись какъ съ сиротою, лишенною матери, и хотѣли меня похитить изъ рукъ батюшки; тогда онъ принужденъ былъ дать денегъ. И онъ столько ихъ отдалъ, сколько было нужно, чтобы оставить нашъ домъ въ Совеньерѣ и переселиться сюда, въ эту печальную развалину, гдѣ мы и живемъ кое-какъ, и иногда терпимъ недостатокъ почти во всемъ.—

„Возможно ли?“

— Это правда, возразила Беата, это чистая правда; стоитъ только окинуть глазами внутренность этой комнаты и посмотрѣть на пустоту ея стѣнъ, чтобы увѣриться, что я не лгу. И однакожъ, Генрихъ, я была рождена для счастливѣйшей доли; я была рождена носить, подобно вамъ, тонкій муслинъ съ кружевами; я сотворена быть большою дамою, потому что моя мать происходитъ отъ одной благородной Презбургской фамиліи. Домъ въ Спа, въ которомъ она жила въ то время, какъ брала воды, и въ которомъ я родилась на свѣтъ, еще и по сію пору имѣетъ на воротахъ живописную картину черныхъ и желтыхъ полосъ съ прекрасною золотою короною. Я ни-

когда не видѣла моей матери: она умерла, когда я была еще совершеннымъ ребенкомъ, Генрихъ, совершеннымъ ребенкомъ!..

Я едва помню это; только одного не забыла я—того, что она называла меня Беатою, своею прекрасною Беатою; по латынѣ это значить *счастливая*, потому что Венгерцы говорятъ на этомъ языкѣ также какъ и на Нѣмецкомъ. Батюшка выучилъ меня когда-то нѣсколькимъ словамъ этого языка; но теперь я ничего не знаю. Особенно года съ три я не умѣю различить одной буквы отъ другой: я даже не открывала моей Библии, а это великій грѣхъ; за это Богъ долженъ жестоко наказать меня. Однако же я не жалеюся, о нѣтъ, я не жалеюся; Богъ привелъ ко мнѣ того, котораго я любила и люблю больше своей жизни.—

И говоря такимъ образомъ, она бросилась на шею къ своему любовнику.

Въ головѣ этой милой дѣвушки было какое-то помѣшательство; но сквозь этотъ хаосъ идей пробивался жаръ души, который смягчилъ бы самое жестокое сердце. Сверхъ того, надобно было всего ожидать отъ этого потока словъ, отъ этого восторга мыслей. Когда сердце бываетъ слишкомъ долго сжато, ему надобно расшириться. Для женщинъ особенно необходимо это изліяніе, и оно у нихъ всегда дѣлается или чрезъ уста, или чрезъ очи. Отто никогда не почиталъ важною побѣду надъ этою молодою дѣвушкою; онъ смотрѣлъ на свою связь съ нею, какъ на дѣло чувствъ, какъ на горное приключеніе, какъ на счастливый случай, который могъ бы встрѣтиться со всякимъ ловкимъ мужчиною, и которымъ, по его мнѣнію, было бы глупо не воспользоваться, но не должно отнюдь считать этого важнымъ дѣломъ, налагающимъ какую нибудь обязанность. Очевидно, что онъ обманывался; противу всякаго ожиданія, онъ встрѣтилъ нервы нѣжные, организацію тонкую и превосходную. Тогда чувство, сообщенное имъ съ такою вѣтренностію, усилилось, а несчастіе, отсутствіе и множество другихъ обстоятельствъ постоянно поддерживали и раздражали его; теперь же новое происшествіе довело его до высочайшей степени силы.

Отто понялъ зло, которое онъ сдѣлалъ, но еще не видѣлъ слѣдствій, которыя могли произойти изъ этого. По безпечности ли, по довѣренности ли къ своей звѣздѣ, только онъ совершенно предался минутному впечатлѣнію, не смотря на видъ бѣдности, разлитой вокругъ него, не смотря на слова извозчика и все то, что онъ самъ слышалъ сей часъ. Любовь Беаты, жаръ ея чувства, столь истинный, что его нельзя было считать притворнымъ, ручались ему за честность старика. Увѣренный въ томъ, что ему опять придется нѣсколько денегъ, онъ думалъ только о томъ, чтобы снова закрыть медомъ раны,

которыя были имъ открыты; чтобы предаться пламеннымъ ласкамъ доброй дѣвушки, и обѣщаніями и увѣреніями замѣнить ей будущность. Онъ поклялся ей, что всегда любилъ ее и никогда не забывалъ, и что только важныя и непредвидимыя обстоятельства могли отдалить его отъ нея.

Такъ мало нужно для того, чтобы утѣшить женщину, которая васъ любитъ: бездѣлка — взгляды, поцѣлуй въ лобъ. Беата ему повѣрила; такъ какъ онъ былъ утомленъ дорогою и имѣлъ нужду въ деньгахъ, то и растянулся на креслахъ, закрылся плащомъ и заснулъ.

VIII.

Ночь приближалась; природа была возмущена бурей. Слышно было, какъ стонали березы, и какъ сосны съ широкими вѣтвями трещали и выли подобно швартову корабля. Вѣтеръ, проходя въ скважины окошка и въ растворъ дверей, производилъ гамы пронзительнаго свиста, и спускаясь внизъ по кровлѣ, казалось, вертѣлъ тамъ огромными камнями и лавинами. Дождь хлесталъ въ стекла. Градины, упавая черезъ трубу на очагъ печки, погасили послѣдній огонь, который еще горѣлъ; свѣтъ исчезъ. Единственный свѣтъ, который иногда показывался, былъ блескъ луны, когда, плывя сквозь волны черныхъ облаковъ, она открывала свое лице и бросала блѣдное сіяніе на землю.

Однако же виѣшній шумъ не мѣшалъ путешественнику спать. Онъ ничего не слышалъ, даже Беаты, которая, подобно легкрылой птичкѣ, кружилась около него. Сначала она зажгла въ очагѣ нѣсколько стебельковъ виноградной лозы, чтобы согрѣть ему ноги; но такъ какъ вода продолжала падать въ печь, то она принуждена была отказаться отъ своей работы, и, подобно доброй Руен, снова прилегла къ своему любовнику. Мало по малу руки ея открыли складки плаща, который покрывалъ его, и когда она приподняла ихъ на довольное разстояніе и увѣрилась, что онъ не проснется, то тихо прильнула къ его сердцу. Любящее созданіе! Какъ она была счастлива! Потерянное и возвращенное добро такъ дорого! Ей хотѣлось бы умереть такимъ образомъ; она желала бы, чтобы ея обѣ руки превратились въ мѣдныя цѣпи, чтобы не разлучаться болѣе съ своимъ кумиромъ!

Однако же Отто вдругъ зашевелился, поднялъ голову и открылъ глаза; онъ чувствуетъ, что холодная и костлявая рука шаритъ по его лицу и останавливается на шеѣ; трепетъ пробѣгаетъ по всѣмъ его членамъ. Онъ хочетъ высвободить свою руку изъ-подъ складокъ плаща; но прежде нежели успѣлъ онъ это сдѣлать, голосъ, по видимому, очень отдаленный отъ него, но который онъ тотчасъ узналъ, воскликнулъ: „Батюшка, батюшка, ступайте спать!“